

Лион Фейхтвангер

После сезона

Лион Фейхтвангер

После сезона

«Public Domain»

Фейхтвангер Л.

После сезона / Л. Фейхтвангер — «Public Domain»,

© Фейхтвангер Л.

© Public Domain

Лион Фейхтвангер

ПОСЛЕ СЕЗОНА

Пожилой господин невысокого роста, с суровым лицом и развевающимися седыми волосами, похожий на актера или на художника, гулял по берегу озера Фертшау. Он был одет в добротный старомодный, чуть-чуть слишком длинный пиджак, галстук был небрежно повязан, широкополая шляпа помята; в том, как он шел, заложив руку за спину, сказывался человек значительный и привыкший внушать почтение. К тому же он отнюдь не был прижимист и не дрожал над каждой десятишиллинговой бумажкой. И, однако, местные жители за спиной приезжего отпускали на его счет грубоватые, мало лестные для него остроты. Сезон выдался неудачный, а на одном старике не очень-то можно было разжиться. В противоположность Германии, маленькая Австрия стабилизировала свою валюту; это значительно удорожило для приезжих из Германии жизнь в Фертшау, облюбованном ими уголке Каринтии, и курорт, посещавшийся по преимуществу немцами, в этом году не мог похвалиться обилием гостей. Вдобавок лето было дождливое. Сезон кончился раньше времени. В гостинице «Манхарт» большая часть служащих уже была уволена, главное здание закрыто. Ресторан был переведен в пристройку. Кафе и кондитерская бездействовали. Купальней еще можно было пользоваться; но никто уже не обслуживал посетителей, им предоставлялось устраиваться по своему усмотрению. Филиалы венских магазинов уже закрылись; парикмахеры, музыканты, кельнеры – все те, чьи профессии носят сезонный характер, вернулись в столицу, брюзжа и досадуя.

Пожилой господин шел по красивой береговой аллее, устланной опавшими листьями, мимо вилл с наглухо закрытыми ставнями. Он изо дня в день совершал эту прогулку. Купальные кабинки были заперты, лодки вытаснены на берег. Один лишь моторный катер паровой компании лениво тащился по залитому солнцем озеру. Местные жители слонялись без дела и злились. В том, что теперь, когда лето кончилось, установилась такая теплая, на редкость прекрасная погода, они видели жестокую насмешку. Некому было платить за красоты природы! Во всем курорте едва ли наберется сотня приезжих.

Невысокого роста пожилой господин шел медленно и важно, наслаждаясь приятным теплом. Озеро, подернутое рябью, было окрашено в блеклые тона. Лесистые горы, а за ними – вершины, покрытые свежим снегом, четко обрисовывались на нежно-голубом небе. Садовник укутывал молодые деревца в рогожу, какой-то другой человек, в одном жилете, заколачивал большими гвоздями кабинку. Они поздоровались с приезжим. Поглядеть ему вслед было для них желанным предлогом на минуту-другую прервать неторопливую свою работу. Они позубоскалили на его счет, им показался смешным низенький человек с важной осанкой и лягушечьим ртом. Они уже успели разузнать о нем то, что могло представить интерес; этого было не так уж много, при всем желании не о чем было долго судачить. Его звали Роберт Викерсберг, столовался он в гостинице «Манхарт», жил на вилле Кайнценхубер. Там он один занимал две комнаты и, не торгуясь, платил ту непомерно высокую цену, которую с него запросила консьержка Кайнценхубер. Если бы он не согласился платить такие деньги, местные жители ругали бы его на чем свет стоит; то, что он согласился их платить, представлялось им нелепым чудачеством.

Пожилой господин тем временем, держа шляпу в руках, подставив седую голову ветру, обнажив зубы, выступавшие вперед косо, словно кровельные черепицы, дошел до конца аллеи. Там находилась небольшая площадка со скамейками и бюстом местного уроженца, композитора Матиаса Лайшахера, автора песен, стяжавших славу далеко за пределами его родины. Пожилой господин остановился перед бюстом и долго вглядывался в него. У Лайшахера, по видимому, было полное, мясистое лицо и густые усы; бронзовому бюсту не удалось изгладить безнадежную пошлость, выраженную в чертах лица популярного композитора. Лайшахер в

свое время был главой квартета, составленного им из своих земляков, сам пел в нем, квартет прославился, выступал в Европе и за океаном, загребая деньги и пожиная славу. Пожилой господин смотрел на бюст сосредоточенно, без улыбки, мысленно представляя себе, как этот человек сообща с тремя другими, облаченными во фраки мужчинами распевал в переполненном концертном зале свои чувствительные мелодии. Он представил себе это не улыбнувшись и так же, без улыбки, прочел выпретенную надпись, в напыщенных выражениях прославлявшую пошло-сентиментальную музыку знаменитого уроженца Фертшау.

От площадки с бюстом крутая тропинка, заросшая, уединенная, вела прямо в лес. Пожилой господин стал взбираться по ней. Он давно уже тосковал по уединению и сознательно искал его теперь. Да, его звали Роберт Викерсберг, и это имя было очень известно, хотя местные жители никогда его не слышали. Роберт Викерсберг слыл одним из немногих подлинных поэтов своей страны, а многие считали его первым из них. Он жил замкнутой, тихой жизнью в небольшом городке, в кругу преданных своих приверженцев. Очень утомительно жить так в течение долгих лет, высказывать взгляды, неизменно ко многому обязывающие, быть вынужденным всегда помнить о своем главенстве, постоянно сознавать, какую ответственность налагает каждое слово, хотя бы невольно вырвавшееся, каждый поступок. Как ни презирал Викерсберг мнение толпы, оно все же доходило до него, и хотя газеты и не имели доступа в его дом, но почитатели сообщали ему, что в них написано. Можно замкнуться в своей башне из слоновой кости, но ведь за ней расстилается весь мир; он виден с ее высоты, и это зрелище терзает душу. Нужно когда-нибудь отдохнуть от всего этого, от незримого владычества над своими приверженцами, от созерцания, хотя бы издалека, Страшного суда, на земле свершающегося. Вот почему он внезапно, никому не сообщив, куда держит путь, отправился в Фертшау, рассчитывая, что это один из немногих уголков страны, где его имя никому не известно.

Он поднялся до самого верха, сел на скамью, с которой открывался вид на окрестности, обвел взором красивый, но не вызывающий волнения пейзаж. Уже шестой день, как он здесь. Он проходил среди людей – медлительных, грубых, корыстных и простосердечных, подобный властелину, о могуществе которого никто не подозревает; то тут, то там садился на скамейку, любовался видом, лежал в лесу, плавал, катался на лодке. Все в меру, как и у себя дома. Именно так он и предполагал; а вместе с тем – все это было и несколько иначе, чем он предполагал. Дома ни одна газета не должна была попадаться ему на глаза. Здесь ему стоило больших усилий не заглядывать в провинциальные листки, получаемые в отеле. Дома к нему не допускались посторонние, а друзья вели счет каждому своему слову, чтобы не докучать ему. Здесь он по утрам беседовал со своей хозяйкой, советницей Кайнценхубер, а за обедом – с директором гостиницы «Манхарт». Он имел обыкновение пить чай, поэтому советница Кайнценхубер обстоятельно изъясняла ему вкусовые преимущества и полезные свойства кофе, сваренного по-австрийски. Директор гостиницы разглагольствовал об австрийских винах, особенно расхваливая дешевые сорта, о плохом сезоне и его последствиях и, наконец, о композиторе Матиасе Лайшахере, одна из рукописей которого находилась во владении директора. То была рукопись сентиментальной песни, повествовавшей о том, как двое влюбленных тихим летним вечером плыли в челне по озеру и остались верны друг другу до гробовой доски. Директор уже два раза показывал ему рукопись, вставленную в дорогую рамку.

Поэт Роберт Викерсберг взглянул на часы, встал и отправился обедать в гостиницу «Манхарт». Установленный для трапезы час еще не наступил. Однако немногочисленные завсегда-таи все уже были налицо. Ибо здесь, да еще в такое тихое время, ожидание очередной трапезы было единственным занятием, помогавшим скоротать день. Господин Викерсберг оглядел собравшихся. Среди них были мелкие буржуа, служащие, стенографистки высшего разряда, затем еврейская супружеская чета из Вены, адвокат, производивший впечатление человека неглупого и изнеженного, в сопровождении полной, подвижной дамы, далее – говорившее с сильным саксонским акцентом семейство: муж, хорошо одетый, жена, державшаяся несколько

надменно, и молоденькая, шумливая, миловидная дочь. Посетители, наверно, уже осведомлялись о том, кто этот пожилой господин с такой оригинальной наружностью. Вероятно, узнали его фамилию, но то, что незнакомца зовут Роберт Викерсберг, – вряд ли что-нибудь говорило им. Он всегда насмеялся над мнением света, надменно отказывался разговаривать с интервьюерами, позировать фотографам и все же был слегка задет тем, что посетителям гостиницы его имя ничего не говорило.

После обеда он пошел в купальню. Там было совершенно пусто. Он разделся. Его холерная кожа еще не утратила гладкости. За последние дни она от солнечных ванн покраснела, завтра она покроется загаром. Роберт Викерсберг поднялся на открытую галерею, натерся мазью и лег на дощатый настил. Закрыв глаза, вытянулся, подставил тело жаркому солнцу. Озеро тихо плескалось, слышно было, как где-то вдали стучал молоток человека, заколачивавшего кабинку. Высоко в небе парил самолет, его гудение едва доносилось вниз, то был пассажирский самолет, курсирующий между Веной и Венецией. Собственно говоря, можно было бы опять съездить в Венецию. Нет, там, без сомнения, найдутся люди, которые узнают его. Перелет над горами, из Вены сюда, был очень приятен. В сущности, он ведь здесь нашел именно то, чего искал. Для его здоровья эта местность тоже оказалась вполне подходящей; давно уже он не ощущал такой бодрости. И, наверно, здесь, в отвечающей его желаниям атмосфере скуки, ему удастся осуществить свои замыслы. Драма «Асмодей», два действия которой уже закончены, по-видимому, выльется в нечто значительное. Он еще не исписался, он еще не стар. В прошлом столетии человек в пятьдесят – шестьдесят лет уже сходил со сцены. В наши дни дело обстоит иначе. Статистические данные показывают, что средняя продолжительность жизни неуклонно повышается. Он вел воздержный образ жизни, разве что немного пил. Но он и не думает уходить на покой, до этого еще далеко. То красочное, изысканное, строгое искусство, которое он возглавляет, не раз уже объявляли отжившим. А затем волна, стремительно нахлынувшая, спадала, и оказывалось, что это искусство непреходяще, что оно вечно. Его приверженцы немногочисленны, но ряды их не поредели, и все это – избранные люди. Даже газеты это признают. Молодому поколению, дерзко высмеивающему его, придется еще испытать немало разочарований. Было – он этого не отрицает – несколько лет, когда его творчество, казалось, шло на ущерб. Но сейчас он вновь ощущает прилив сил. Ведь стало бы скучно, если бы все уже было достигнуто. Хорошо, что еще встречаются кое-какие трудности, которые надо преодолеть. «Асмодей» убедит многих, в том числе и кельнера Франца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.